

КВАНТОВЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Новое прочтение классического кейса З. Фрейда: квантовый подход к анализу маленького Ганса¹

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, руководитель магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (APCBC), главный редактор Журнала клинического и прикладного психоанализа.

Автор применяет квантовый подход к исследованию психоаналитического процесса для изучения случаев маленького Ганса и Человека-Волка. Мы можем наблюдать, что множество различных психических сцен разворачиваются одновременно на разных уровнях идентификации. В обоих случаях пациенты, несмотря на различную патологию, демонстрируют амбивалентную идентичность, одновременно классически-линейную и квантово-волнообразную. Идентификации при этом развиваются не одна за другой согласно линейному времени, но сосуществуют в нелинейной, волнообразной временности.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, маленький Ганс, Человек-Волк, квантовый подход.

¹ Материал статьи был представлен на 84-м Конгрессе франкоязычных психоаналитиков (Париж, 2024) и сначала был опубликован на французском языке, см.: Rossokhin A. V. Le petit Hans et ses identifications cachées // Revue française de psychanalyse. 2024. No. 88. P. 357–362.

Исследуя два типа идентификации – транзитивную и рефлексивную, которые происходят на эдиповом уровне, Клод Баразе задается вопросом: не является ли это «тем же процессом, что лежит в основе "тотемной трапезы"?» (Баразе, 2024, с. 145). В этом вопросе, который он оставляет открытым, проявляется игра идентификации на архаическом уровне – тема, поднятая Фрейдом в случае маленького Ганса, а также в связи с Человеком-Волком.

Я вернусь к этим двум случаям, чтобы исследовать игру идентификации в архаической сцене. Материал, связанный со страхом быть укушенным лошадью, появляется уже на первых страницах эссе Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Первая реакция Ганса, которому было три с половиной года при рождении его младшей сестры, напрямую связана с зубами, которые могут кусать. «Но у нее еще нет зубов» (Фрейд, 1909b/1998, с. 9), говорит он насмешливо, как бы выражая желание отменить новорожденного. Тем не менее для Ганса важно иметь зубы, в отличие от его сестры, которая их лишена. Не указывает ли это на начало идентификации с объектом, способным кусать – кусание как первый этап возможного процесса пожирания, – одновременно с проекцией на лошадь своего желания пожирать? Все это развивает страх быть укушенным?

В связи с окончанием пятого месяца беременности матери Ганс рассказывает о своей фантазии пребывания в «ящичке» – материнской утробе, по мнению Фрейда – вместе с сестрой, чей невероятный аппетит он описывает так: «Ей дали бутерброд с маслом, селедку и хрен (ужин в Гмундене), и, пока Ханна путешествовала, она намазала маслом свой бутерброд и ела 50 раз». И добавляет: «Я и Ханна даже путешествовали в ящичке, я спал в ящичке всю ночь... Мы тоже ели все время... Это был праздник» (Там же, с. 68). Таким образом, в отличие от своей первой реакции, он приписывает зубы своей еще не родившейся сестре и идентифицирует себя с ней, чтобы также оказаться в утробе матери. В этом фантазме о пожирании его прожорливая сестра, которой он завидует, имеет доступ к материнской пище *ad libitum*... Не является ли эта идентификационная игра с сестрой фантазмом о пожирании, в котором он стремится инкорпорировать мать, чтобы она принадлежала ему?

Кроме того, эта сестра с ненасытным аппетитом использовала для своего обеда нож, который она оставляет в материнской утробе: «Она оставила их в ящичке, листья двух хренов и нож, чтобы резать хрен» (Там же). Этот объект позже становится центральным элементом, когда Ганс играет с резиновой куклой. Он рассказывает об этом своему отцу и дает свою версию событий: «Я раздвинул ей ноги, знаешь почему? Потому что внутри был нож, который был маминым. Я положил его туда, где пицал пупок, а потом раздвинул ноги, и он выпал» (Там же, с. 75). Этот материнский нож, являющийся одной из репрезентаций, одним из инструментов фантазма о пожирании, заставляет Ганса вообразить историю о курице и яйце, которая разворачивается в примитивной орально-каннибалистической сцене.

Фрейд описывает фантазии Ганса, связанные с представлением мальчика о родах. Сначала он утверждает, что его отец «снес яйцо в траве,

и вдруг из него вылупилась маленькая курочка»; затем он сразу же поправляет себя: «Но я уже однажды снес яйцо, и тогда вылупилась маленькая курочка»; он снова меняет свою историю: «Я лег в траву, нет, встал на колени»... «Я снес яйцо»... «Дети нашли его... Они посмотрели и вдруг увидели яйцо, и вдруг появился маленький Ганс». Он сразу же спрашивает отца: «Папа, когда из яйца вылупляется маленькая курочка? Когда его оставляют там? Нужно ли его съесть?» (Там же, с. 76). Эта безличная фраза следует за фантазией, в которой он играет роль матери и ребенка. Но в вопросе «Нужно ли его съесть?» также проявляется бессознательное желание Ганса съесть это яйцо, пожирая таким образом и мать, и себя, чтобы найти их в своем собственном животе. Это сделает его матерью. Только так он сможет идентифицироваться с ней и с ее способностью рожать, которая вызывает у него сильную зависть.

Что касается отцовской роли, Ганс присваивает ее себе, сам снося яйцо. Однако он сомневается в своей способности идентифицироваться как с отцом, так и с матерью. В обоих случаях он должен получить разрешение отца: «Нужно ли его съесть?» Идентифицируясь здесь с отцовской функцией, которая отделяет ребенка от матери, ищет ли Ганс защиты отца от страха быть проглоченным материнским объектом? С другой стороны, желая съесть это яйцо, чтобы стать матерью, он как бы просит у него разрешения.

Эта сложная игра идентификаций, которая происходит главным образом в эдиповых и доэдиповых сценах, продолжается в другом эпизоде, где Ганс снова выражает фантазм о пожирании. Он «так хочет иметь детей» (Там же, с. 83), но он также знает, что он сам ребенок. Тогда Ганс воображает, что он сам мать, которая рождает девочек и мальчиков. Они носят имена реальных детей, которых он знает, за исключением одной маленькой девочки, которую он выделяет: она вымышленная и зовется Лоди. Ее имя происходит от слова, обозначающего его любимую еду «саффалоди», потому что он «так любит есть колбасу, салями тоже». Эта «саффалоди» ассоциируется с «лумпфом», который он испражняет в горшок, представляя, что у него есть ребенок. На вопрос отца: «Но от кого ты получил этих детей?» – Ганс отвечает: «Ну от меня» (Там же). Таким образом, мы можем также наблюдать здесь фантазм о первосцене, где, стремясь идентифицироваться с обоими родителями, маленький Ганс играет как отцовскую, так и материнскую роль. На самом деле он не знает, откуда он взял имя Лоди, хотя считает, что «это красивое имя» (Там же, с. 84). У нее «черные глаза, черные волосы» (Там же, с. 83). Этот образ, уточненный Гансом, отсылает нас одновременно к «черноте», которая пугает его вокруг глаз и рта лошади, к черному цвету лошади, которая упала, к черному лумпфу и также к черным штанам матери, на которую Лоди кажется похожей.

Ассоциативная связь имени вымышленного ребенка Лоди с саффалоди, которую Ганс так любит «есть», возвращает нас к фантазму о пожирании, который мы исследовали ранее. Фрейд ссылается на немецкого художника Гейне: «Одна странная идея, на первый взгляд сбивающая с толку, гениального рисовальщика Т. Т. Гейне – изображающая на странице

Simplicissimus ребенка мясника, который падает в колбасную машину и, превратившись в маленькие колбаски, затем оплакивается и благословляется родителями и улетает на небо, – находит свое объяснение благодаря эпизоду с Лоди в нашем анализе, в инфантильных фантазиях» (Там же, с. 115). В отличие от рисунка Гейне, маленький Ганс также прибегает к фантазии превращения ребенка в колбасу, но не для того, чтобы оплакивать его, а чтобы съесть этого «ребенка-колбасу», – чтобы вновь обрести его в своем животе и затем, став материнским объектом, родить его.

Ганс не может удовлетвориться идентификацией с матерью в эдиповой сцене и фантазийным использованием реальных детей в качестве своих собственных, так как это слишком противоречит реальности. Поэтому он придумывает своего любимого ребенка, Лоди, которого он съедает в виде своей любимой салями. Таким образом Лоди окончательно оказывается в его животе, и первичная материнская идентификация становится устойчивой к испытанию реальностью. В то же время Ганс идентифицируется с Лоди, так как после рождения только маленький Ганс должен появиться на свет и никто другой – ни его сестра, ни другие дети, как в примере с яйцом.

В своих различных работах (Россохин, 2010; 2020), посвященных разработке квантового подхода к психоаналитическому процессу, я показал, что квантовый взгляд подчеркивает одновременное существование бесконечного множества нелинейных и многомерных сцен во внутреннем пространстве человека.

Представим, что перед нами не одна трехмерная театральная сцена, а бесконечное число таких сцен, расположенных на разном расстоянии от главной. На каждой сцене идет свой спектакль, и он никогда не прекращается, а длится в соответствии со своим сценарием и своим собственным временем. Тогда наиболее ярко освещенная, расположенная на переднем плане привычная для нас классическая пьеса будет представлять собой только одну, хотя и наиболее вероятную, возможность.

Одновременно с этой классической сценой освещенность (прожектор сознания) позволит нам наблюдать за происходящим лишь на некоторых из бесчисленного числа квантовых сцен. Они различаются не только своими сюжетами, персонажами, героями и декорациями, но и степенью освещенности различных частей сцены, наличием на них собственного времени, которое не совпадает с линейным временем внешнего мира.

Остальные сцены с происходящими на них психическими постановками будут постепенно погружаться в темноту. На некоторых из них мы еще можем что-то увидеть, о чем-то догадаться. На других будут видны лишь очертания персонажей. Но все остальное окажется полностью скрыто в бессознательном.

Этот квантовый подход кажется мне особенно подходящим для изучения и другого классического случая Фрейда, Человека-Волка, где также наблюдаются несколько уровней идентификации. На архаическом уровне маленький Сергей идентифицируется с Няней, которая является очень важным материнским объектом в бессознательном ребенка. В сцене

соблазнения его сестра рассказывает «ужасные вещи» (Фрейд, 1918b [1914]/1988, с. 18) своему маленькому брату, где Няня ставит садовника на голову и берет его гениталии в рот. Сестра добавляет, что она делает то же самое «со всеми» (Фрейд, 1918b [1914]/1988, с. 17).

В своих статьях о Человеке-Волке (Россохин, 2021a; 2021b) я показал, что это не могло не породить множество фантазий в бессознательном маленького мальчика. Эта сцена с Няней и садовником является проявлением фантазма о первосцене, который также разыгрывается на нескольких уровнях: архаическом, доэдиповом и эдиповом. Слушая свою сестру, маленький мальчик идентифицируется не только с садовником, но и с самой Няней. Мы наблюдаем тогда два идентификационных движения у Сергея Панкеева на архаическом уровне. В одном он идентифицируется с отцом, матерью и сестрой, которых пожирает Няня, так как она пожирает «всех». В другом он одновременно идентифицируется с объектом, который был съеден, и с объектом, который пожирает, то есть с Няней-Волком.

Это психическое движение также обнаруживается и в истории маленького Ганса, где последний идентифицируется с пожирающим материнским объектом, когда он ест салями. В своей бессознательной фантазии именно после этого пожирания он и получает маленькую девочку, Лоди. Мы можем связать этот эпизод с эпизодом с яйцами, где Ганс оказывается внутри яйца – как объект пожирания, – одновременно являясь объектом, который пожирает, когда он спрашивает отца: «Нужно ли его съесть?»

Анализируя случай маленького Ганса, Фрейд отмечает: «У Ганса [...] идет процесс вытеснения, который касается почти всех компонентов эдипова комплекса» (Фрейд, 1926d [1925]/1992, с. 224). В отличие от этого, в случае Сергея Панкеева тревога, которую он испытывает от страха быть съеденным, относится скорее к области оральной регрессии, связанной с отрицанием и расщеплением Я.

Исследуя эти два случая, мы можем увидеть, что различные психические сцены сосуществуют в бессознательном на разных уровнях и что одновременно на них разыгрываются различные идентификации. Они не следуют друг за другом в линейном времени, но сосуществуют в нелинейной, волнообразной временности. Используя квантовый подход для исследования игры идентификаций на различных психических сценах маленького Ганса, мы наблюдаем на некоторых из них материал, указывающий также на существование примитивных архаических тревог, которые реактивируются, так как они все еще присутствуют и не переработаны.

В заключение

Можно поразиться множеству репрезентаций, принадлежащих к самым разным психическим уровням, которые несет в себе образ лошади у маленького Ганса. В нем можно обнаружить эдипова отца, эдипову мать, фаллическую мать, объект, который пожирает, и объект, который пожирается в фантазме о пожирании, а также репрезентации фантазма о первосцене. В одной из моих предыдущих статей (Россохин, 2020), где я применил

квантовый подход, исследовалась игра идентификации между аналитиком и пациентом. Я показал, что идентичность обладает амбивалентной природой, одновременно классически-линейной и квантово-волнообразной.

Аналогично мы можем предположить, что идентичность имеющих разные патологии знаменитых пациентов Фрейда, маленького Ганса и Человека-Волка, столь же амбивалентна, одновременно классически-линейная и квантово-волнообразная. В каждый момент, когда мы наблюдаем материал, связанный с процессом идентификации, на конкретной психической сцене, например на эдиповом или доэдиповом уровнях, мы также можем обнаружить множество других психических сцен, материал которых более скрыто разворачивается одновременно с ясно видимой сценой.

A new view at the classic case of Z. Freud: a quantum approach to the little Hans analysis

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

The author applies a quantum approach to the study of the psychoanalytic process to examine the cases of Little Hans and the Wolf Man. We can observe that multiple different psychic scenes unfold simultaneously at various levels of identification. In both cases, the patients, despite their differing pathologies, exhibit an ambivalent identity, simultaneously classical-linear and quantum-wave-like. Identifications do not develop one after another according to linear time but coexist in a nonlinear, wave-like temporality.

Keywords: identification, identity, Little Hans, Wolf Man, quantum approach.

* Doctor of Sciences – a post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.